

«Керенский
проявил себя в Ташкенте
как педагог-классик
и как администратор-
формалист»

(Ф. М. Керенский
в воспоминаниях
Н. П. Остроумова)

Федор Михайлович Керенский, отец будущего главы Временного правительства Александра Керенского, родился в 1842 г. в семье приходского священника Керенского уезда Пензенской губернии. По окончании школы он продолжил образование в Пензенской духовной семинарии. Выйдя из ее стен, стал учителем приходской школы. По воспоминаниям А. Ф. Керенского, когда в результате изнурительного труда он сумел накопить достаточно денег, то поступил в Казанский университет, считавшийся одним из лучших в России¹. В Казани он познакомился со своей будущей женой — Надеждой Александровной Адлер, дочерью начальника топографического отделения при штабе Казанского военного округа.

Не чувствуя призвания к церковному служению, он посвятил себя педагогике и классической филологии. В 39 лет Федор Михайлович возглавил мужскую гимназию (ту самую, в которой учился

В. И. Ульянов (Ленин)) и среднюю школу для девочек в Симбирске.

В начале 1889 г. Керенский получил назначение в Туркестан на должность главного инспектора училищ края*. «Собираясь в дальнюю дорогу из Симбирска, — впоследствии писал его сын Александр, — мы ни на мгновение не допускали мысли, что будем жить в “оккупированной” стране. Ташкент был просто-напросто далеким уголком России»².

К 1903 г., за четырнадцать лет пребывания Керенского на посту главного инспектора, в Туркестанском крае насчитывалось 12 средних учебных заведений, 19 городских училищ, одно ремесленное училище, 80 русско-туземных школ и 800 медресе³.

В 1910 г. Федор Михайлович вышел в отставку в чине действительного статского советника. Он не принадлежал к так называемой плеяде «старых туркестанцев», не был востоковедом, свою карьеру после окончания университета начинал в Европейской России. Возможно, потому его отношения с подчиненными складывались не всегда гладко. Наиболее отчетливо это проявилось в случае с востоковедом и краеведом действительным статским советником Николаем Петровичем Остроумовым.

Керенского и Остроумова многое связывало. Впервые их судьбы пересеклись в студенческую пору в Казани. Как и Ф. М. Керенский, Н. П. Остроумов был из духовного сословия, но учился не в университете, а в Казанской духовной академии. По окончании академии

преподавал татарский язык и исламоведение. В 1877 г. он переехал в Ташкент, где сделал достаточно успешную карьеру в качестве директора народных училищ, затем учительской семинарии и наконец директора мужской классической гимназии, где учился Александр Керенский.

С 1883 по 1917 г. Николай Петрович был бессменным редактором «Туркестанской туземной газеты», единственного официального печатного органа Туркестанской администрации, издававшегося на тюркском языке.

Глубоко преданный интересам монархии и православия, Н. П. Остроумов тем не менее довольно критически высказывался о различных отрицательных сторонах деятельности русской администрации и некоторых ее представителей в крае⁴. Во время отсутствия Ф. М. Керенского в крае его обязанности, как правило, поручались именно Николаю Петровичу, но найти общий язык двум ярким и неординарным личностям, по-видимому, так и не удалось.

Мы предлагаем вниманию читателей фрагменты двух работ Н. П. Остроумова, написанных им в 1927-1928 гг. по материалам его дневниковых записей 1889-1910 гг., — «Общие замечания об учебно-административной деятельности Ф. М. Керенского как главного инспектора учебных заведений в Туркестанском крае»⁵ и «Федор Михайлович Керенский. Третий главный инспектор училищ в Туркестанском крае»⁶, которые дают представление об их взаимоотношениях.

* Подробнее о жизни семьи Керенских в Туркестане см.: Котюкова Т. В. Семья Керенских в Туркестанском крае (по документам ЦГА Республики Узбекистан) // Отечественные архивы. — 2009. — № 1. — С. 60-69.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. — 1990. — № 6. — С. 117.
2. Там же. — С. 123.
3. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз.), ф. И-47, оп. 1, д. 2551, л. 213-222.
4. Алексеев И. Л. Н. П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением Туркестанского края // Сборник Русского исторического общества. — М., 2002. — Т. 5. — С. 89-96.
5. ЦГА РУз., ф. 1009, оп. 1, д. 69, л. 1-29.
6. Там же, д. 85, л. 1-77.

**№ 1. Из работы Н. П. Остроумова «Общие замечания
об учебно-административной деятельности Ф. М. Керенского
как главного инспектора учебных заведений
в Туркестанском крае»**

21 сентябрь 1927 г.
г. Ташкент.

На основании 22-летней совместной службы в Ташкенте с Ф[едором] Михайловичем я располагаю достаточным количеством фактов и личных воспоминаний, чтобы высказать нижеследующие замечания о его учебно-административной деятельности на среднеазиатской окраине России по русскому и инородческому образованию.

Как третий¹ по времени назначения главный инспектор учебных заведений на этой окраине, незнакомой ему во всех отношениях, Керенский прибыл в Ташкент в июне 1889 года уже к налаженному учебному делу, начатому еще до завоевания Ташкента и официально в 1876 году². Отличался от своих предшественников личными (антропологическим) особенностями, образованием и служебными навыками, он продолжил вверенное ему учебно-административное дело в новом для него крае, сообразуясь с потребностями времени и со взглядами местного (военного) начальства — ген[ерал]-губернаторов, пользовавшихся правами попечителей учебных округов.

Как опытный службист с заковкой толстовского классического режима³ и как бывший директор Симбирской гимназии⁴, по последней должности во внутренней России, Керенский приобрел административный навык в управлении классической гимназией, а как преподаватель русского и латинского языков в этой школе, считал себя опытным педагогом, стремился проводить свои административные навыки и методические приемы преподавания в туркестанских учебных заведениях, преимущественно в гимназиях.

К народным училищам он относился с меньшим интересом, а в инородческом (мусульманском) образовании был некомпетентен. Как личный докладчик ген[ерал]-губернаторам всех распоряжений Министерства нар[одного] просвещения и представлений начальников учебных заведений в крае, он пользовался авторитетом и был властным руководителем русского учебного дела в Туркестане, особенно при бароне Вревском и ген[ерале] Иванове⁵.

По личному характеру он был выдержан и необщителен, а в то же время самонителен, считал местных педагогов при себе по уму и по знаниям, хотя и не обнаруживал обширной эрудиции даже в специальных предметах, которые преподавал в российских гимназиях. И в области общего философского и литературного развития он особенно не выделялся и не высказывался. Невеликое по сравнению к наружному облику⁶, Керенский был молчалив и неискренен и в редких разговорах со мной называл то или другое имя известных в Европе ученых, не распространяясь об их научных взглядах. Особенно он избегал критики правительства и министерских распоряжений, хотя переживал самое критическое время.

Имя сатирика Салтыкова-Щедрина он никогда не упоминал, и я затрудняюсь сказать, каких политических воззрений он придерживался. Близко знавший его по службе в Казани Бобровников отозвался о нем, как о чиновнике, способном применит[ь]ся ко всякому государственному режиму (я не хочу повторять сказанное Бобровниковым существительное), а преемник Керенского четвертый главный инспектор Соловьев сказал, что помнит его не с одобрительной стороны.

[...] Учебное дело в Туркестанском крае Керенский крепко держал в своих мускулистых руках и самовластно распоряжался при назначениях и перемещениях безответственных туркестанских педагогов: при назначении начальников и преподавателей, а также при перемещениях и удалениях нежелательных для него (а не для дела) педагогов он прикрывался авторитетом ген[ерал]-губернаторов. Поэтому и жалобы на его несправедливые, пристрастные отношения к подчиненным еще более усиливали его самовластие.

[...] Об административных приемах Керенского я сужу по его канцелярским предписаниям и словесным замечаниям, какими стремился поддерживать в учебных заведениях букву закона — устав гимназии.

[...] Не отличаясь прямоотой и искренностью, он обыкновенно сводил свои распоряжения по данному вопросу к канцеляризму и советовал начальникам учебных заведений

излагать свои представления в таком именно направлении, на каком он настаивал [на] предварительном словесном обсуждении вопроса. При этом у него была скрытая цель — не оставлять в канцелярской переписке следов личного влияния его на изложенный в переписке вопрос, который санкционировался ген[ерал]-губернатором по докладу этого же Керенского. И что хуже того: он не всегда был хозяином своего слова, не всегда выполнял свои обещания начальникам учебных заведений, придерживаясь поговорки, что не всякому слову нужно верить, а лишь такому, которое закреплено им на бумаге.

[...] Мне лично всегда странным казалось, почему Керенский никогда в частном разговоре со мной не упоминал о своем происхождении из духовного сословия и о своем первоначальном обучении в Пензенской духовной семинарии, хотя он знал, что я бывший тамбовский семинарист и что известный казанский педагог (бывший профессор Казанской духовной академии и Казанского университета) Н. И. Ильминский происходил также из духовного сословия и обучался также в Пензенской духовной семинарии, но никогда не скрывал ни своего происхождения, ни своего первоначального образования в Пензенской духовной школе. А профессор Казанской же академии Е. А. Малов⁷ рассказывал мне, что встречался однажды на пароходе с Керенским, когда он был директором Симбирской гимназии, и вынес неожиданные для Керенского впечатления [из-]за его нежелания признаться в своем происхождении из церковного сословия.

Такое самоуслаждение чином дейст[вительного] ст[атского] советника и присвоенным этому чину громким титулом «Ваше превосходительство», очевидно, не располагало Керенского признаваться в своем происхождении и первоначальном образовании. Он никогда не останавливал подчиненных ему начальников учебных заведений и педагогов вообще от обращения к нему с произнесением генеральского титула. Казалось бы, что действительное человеческое превосходство приобретает не чином, а личными качествам[и] настоящего педагога — его образованностью и не терпящим раболепства характером в применении к воспитанию вверенных ему детей и юношей.

[...] Мы, директора учеб[ных] заведений, раболепствовали перед нашим превосходительным начальником, а он нас не останавливал от общепринятого у бюрократов обращения к нему, хотя директора ср[едних] уч[ебных] заведений числились в Табеле о рангах в одном классе с Керенским, а некоторые были в равном с ним чине.

Печатных трудов у Керенского, кроме его студенческой работы об апокрифах в древней русской литературе, не встречал, и он в частных беседах со мной не ссылался на известных ему русских и европейских педагогов. По-видимому, в этой области он был не очень осведомлен. Специальным[и] предметами его университетских занятий были русская литература и русский язык, как учебные предметы университетской программы. В этих двух предметах он был сведущ. Кроме этих предметов, он имел право на преподавание в гимназии и лат[инского] языка, а в седьмом классе гимназии он преподавал логику по одобренному министерством учебнику.

На основании личных сношений с Керенским я не могу утверждать, что он обладал широкой научной эрудицией по названным учебным предметам гимназического курса. Он был педагог-практик с определенными методическими приемами преподавания, отличавшимися больше внешним характером (чтобы все ученики класса следили за уроком), нежели психологическим соображением. На уроках русской литературы он, вероятно, был интересен, так как умел углубляться в разбираемые в классе сочинения.

[...] Не считаясь с развитием педагогических идей в западноевропейской и русской литературе, Керенский сводил свои начальнические наблюдения за учебным делом в Туркестанском крае к формальной, канцелярской правильности^{*}, как и писал в своих отзывах о представляемых ему начальниками учебн[ых] заведений годовых отчетах, причем в своих замечаниях указывал на те или другие отступления, на недосмотры в цифровых таблицах или на неправильные арифметические выводы из отметок успехов учащихся⁸. Я не слышал от него ссылок на авторитет современных европейских педагогов, кроме упоминания о великом дидактике Яне Амосе Коменском⁹.

Со школьными задачами французского правительства в Алжире и английского в Индии Керенский не был знаком, и потому к русской государственной задаче образования туркестанских туземцев относился пассивно, доверяясь ближайшим руководителям этого

^{*}Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению в документе (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

своеобразного дела, но позволяя себе повертывать пресловутое дышло существующего закона в ту сторону, чтобы в итоге хорошо вышло, что, однако, не всегда достигалось.

[...] К преподаванию русского и церковнославянского языков Керенский относился односторонне — с точки зрения грамматических форм упуская из виду, что «язык есть исповедь народа, его душа, его природа».

[...] По особым, непредвиденным для него поводам он ездил в Петербург для оправдания перед министерством своей административной деятельности. Исполнение должности гл[авного] инспектора обыкновенно возлагалось на меня, и Керенский мог убеждаться в моей корректности и непритязательности на его личный авторитет в глазах ген[ерал]-губернаторов. Я даже на обращенный ко мне вопрос ген[ерала] Духовского о том, как относится ко мне Керенский, ответил: «Холодно», не пускаясь в подробности. И в министерстве я никогда не жаловался на его отношение ко мне. Но Керенский продолжал относиться ко мне не только неискренне, но и недоброжелательно до самого конца своей службы в Ташкенте.

[...] О Ташкентской гимназии могу уверенно говорить, что из нее за время моего директорства (1883-1900 гг.) вышло много даровитых учеников, с успехом обучавшихся в различных высших учебных заведениях и занимавших потом видные должности доктора медицины, судьи, профессора и педагоги, инженеры, адвокаты и земские деятели. Сын Керенского был, как известно, президентом Российской Союзной республики*.

[...] Учитель подготовительного класса Любомирский, записавший в дневнике ученика Александра Керенского, обучавшегося в этом подготовительном классе в 1889-1890 учеб[ном] году, его мальчишеский проступок, был постепенно вытеснен отцом этого ученика из гимназии и переведен на учебную службу в Россию.

[...] Считаю справедливым прибавить к изложенному, что однажды Керенский, уже после смерти своей жены, говорил со мной по-человечески откровенно, когда заехал к нему в послеобеденное время по одному служебному вопросу. Я застал его в кабинете и переговорил с ним по делу. При моем уходе он, увидев в окне двух моих маленьких внуков, оставленных в экипаже, спросил, куда я еду с внуками. Я ответил, что еду на кладбище, на могилу покойной жены моей. Тогда Керенский с грустью в голосе сказал: «Вот у вас растут внуки, которые вместе с вами едут к бабушке на могилу, а я не уверен, что и на нашу могилу зайдут наши внуки, дети старшего сына Александра. Я недавно, — продолжал он, — был у сына в Петрограде, видел его семейную обстановку и не был удовлетворен». Я спросил, какими делами интересуется его сын (А[лександр] Федорович) — гражданскими или уголовными? Отец опять с грустью в голосе ответил, что Саша почему-то больше увлекается защитой (делами) рабочих. Недавно он выступал по делу рабочих на сибирских приисках, на Лене. Видно было, что Керенскому-отцу не нравилось увлечение его сына делами такого рода.

[...] Когда Керенский скончался в столичной больнице, то гроб с его бездыханным телом, по прибытии в Ташкент, был с церковной почестью принят в семинарскую церковь, где ген[ерал] Самсонов и я, вместе с другими бывшими его знакомыми и педагогами, поклонились его гробу до земли и сказали почившему «вечную память». Странно, что и дети Керенского, присутствовавшие при церковном прощании с их почившим отцом, не обращали внимания на меня, бывшего сослуживца его, ни в семинарской церкви, ни на кладбище, хотя и они (дети покойного) при жизни своих родителей бывали радушно принимаемы в нашей семье, в гимназической квартире.

ЦГА РУз., ф. 1009, оп. 1, д. 69, л. 1-29. Рукопись.

№ 2. Из работы Н. П. Остроумова «Федор Михайлович Керенский. Третий главный инспектор училищ в Туркестанском крае»

1928 г.

г. Ташкент.

Федора Михайловича Керенского я знал еще в Казани (в 1866-1867 гг.), когда он был студентом Казанского университета (по историко-филологическому факультету) и при-

* Так в документе.

ходил иногда в Духовную академию к своим родственникам, академистам из Пензенской духовной семинарии¹⁰, в которой и он получил среднее образование. К этим пензякам студент Керенский приходил в праздничные дни, когда в академии не было учебных занятий, и оставался в академии до вечера. Мои однокурсники-пензяки помещались в комнате № 1, а я в комнате № 2, и потому близких товарищеских отношений у меня с ними не было. Академисты-пензяки были вообще необщительны, особенно не сближались даже с товарищами по занимаемой ими комнате № 1, не принимали участия в развлечениях с товарищами и в город ходили одни — пензяки. А когда к ним приходил студент Керенский, то они уединялись в особой комнате, отведенной двум нашим однокурсникам, вдовым священником, и там проводил[и] время своего свидания, в продолжение которого другие академисты, не пензяки, к ним не входили.

Такая обособленность моих однокурсников-пензяков мало интересовала меня, и, хотя с В. Кургановым я сидел в столовой рядом, но никогда не расспрашивал его о студенте Керенском, с которым потом мне пришлось 20 лет служить в Ташкенте.

Продолжительное служебное общение мое с Ф. М. Керенским оставило в моей памяти неизгладимый (не скажу — приятный) след, и административная деятельность его в учебном Туркестанском округе не всегда оправдывала его как руководителя-педагога, как начальника. Но так как в истории русского народного и особенно инородческого образования долговременное заведование Керенским учебным делом не могло оставаться бесследным и не всегда может быть учтено. К чести этого руководителя учебным делом в Туркестане, то я и полагаю, что прилагаемые мною выписки из моего дневника будут не лишними для будущего историка материалом, характеризующим в то же время личность Керенского¹¹.

Подробных сведений прохождения Керенским учебной службы до назначения его в Ташкент на должность главного инспектора училищ я не знаю, кроме того, что он по окончании университетского курса был сначала учителем рус[ского] и лат[инского] языков в Первой Казанской гимназии во время директорства немца Крелленберга¹², строгого службиста. Это было в первые годы насаждения классицизма¹³ в русских гимназиях при Министре нар[одного] пр[освещения] графе Д. А. Толстом¹⁴. И Керенский проявил себя в Ташкенте как педагог-классик и как администратор-формалист, для которого устав классических гимназий и сборник распоряжений Мин[истерства] нар[одного] пр[освещения], изданный товарищем министра А. И. Георгиевским, не подлежал критике.

В своей административной деятельности Керенский на первый план ставил согласование своих распоряжений с буквой этого закона, но при этом умел обходить гимназический устав, когда находил это соответствующим своему личному настроению. В случаях сомнительных он подсказывал начальникам учебных заведений, как обойти существующие министерские распоряжения, но так, чтобы этот канцелярский прием исходил не от начальника учебного заведения. Керенский верил в беспристрастный суд истории и всячески стремился к тому, чтобы в архиве управления учебными заведениями не оставалось письменных документов, компрометирующих его учебно-административную деятельность в Туркестанском крае.

Уверенный в своей служебной ответственности, он с самых первых дней своего управления ташкентскими учебными заведениями обнаруживает недовольство существующими в Ташкенте учебными порядками и педагогическим персоналом и сначала проявил свое недовольство в устранении от должности [директора] женской гимназии Миреля и преподавателя русского язы[ка] и литературы в той же гимназии Фовицкого, а затем имел явное намерение устранить директора учительской семинарии Мирониева, а меня, как неклассика по образованию, перевести из Ташкентской (классической) гимназии в учит[ельскую] семинарию. Но возникшие в 1894 г. крупные неприятности у Керенского с инспектором мусульманских школ Наливкиным¹⁵ и директором семинарии Мирониевым, вызвавшие в том же году небывалую до тех пор ревизию учит[ельской] семинарии чрез попечителя Кавказского учебного округа, ослабили на некоторое время самовластие Керенского, какое он проявил при ген[ерал]-губернаторе бароне Вревском¹⁶.

С прибытием в Ташкент ген[ерал]-губернатора Духовского¹⁷ и его помощника ген[ерала] Иванова¹⁸ самовластие Керенского снова усилилось, так как ген[ерал] Духовской, занятый расследованием большого по значению вооруженного нападения ферганских туземцев на русский военный лагерь в Андижане (в мае 1898 года)¹⁹ и другими

административными делами, передал учебные дела ген[ералу] Иванову, при котором Керенский восстановил свой авторитет, пошатнувшийся при бароне Вревском. При преемниках Иванова, особенно при Гродекове²⁰ и Самсонове²¹, Керенский уже не пользовался прежним авторитетом. Революция 1905 года раскрыла слабые его* стороны его управления учебными заведениями и его слабую защиту существующего учебного режима перед местным обществом²².

При ген[ерале] Гродекове обнаружились учебные недостатки в гимназиях, а при ген[ерале] Самсонове — в русско-туземных школах и в ашхабадских²³ гимназиях, и Керенский был вынужден оставить службу.

Ко мне лично Керенский в продолжение всей своей службы в Ташкенте относился неискренно, иногда даже двусмысленно: когда я был нужен и полезен для него, знакомым с мусульманством и с мусульманским школьным образованием, он был внимателен ко мне, а когда в моих специальных знаниях он не встречал надобности, тогда давал мне понять, что я, как неклассик по образованию, не на своем месте в классической гимназии и что в Ташкент я был назначен исключительно для инородческого образования.

Когда скончался в Казани директор учительской семинарии, Керенский сказал мне, что в Казани продолжают считать меня именно заместителем должности покойного Ильминского²⁴. Но я уже не стремился к возвращению в Казань, где со времени моего отъезда в Ташкент существенно изменились взгляды на образование крещеных инородцев и преемником Ильминского уже считался преподаватель учит[ельской] семинарии Бобровников²⁵, исправлявший директорскую должность во время предсмертной болезни Ильминского. После такого ответа моего Керенский не переставал стремиться к возвращению моему в Ташкентскую учительскую семинарию.

Перевод из гимназии в учительскую семинарию Керенский обставил очень искусно, воспользовавшись отсутствием ген[ерала] Духовского; но улучшения учебного дела в Ташкентской гимназии не достиг, как это видно из моих записей в дневнике, возникших в отдельных очерках о деятельности генералов Гродекова и Самсонова. Я не скрываю своих многочисленных огорчений, причиненных мне Керенским и объясняемых его самовластием и невоспитанностью. Университетское образование не изгладило в нем недостатков прежнего семинарского воспитания. Трудно мне вспоминать об этом. Но надо быть беспристрастным, я при нижеследующем изложении своих воспоминаний рассказываю о действительных фактах, чтобы читатель мог судить по этим фактам о продолжительной учебно-административной деятельности Керенского.

Выписки из моего дневника

Среда. 28 июня 1889 г. В этот день прибыл в Ташкент гл[авный] инспектор училищ Ф. М. Керенский со своей семьей, состоящей из жены его и пятерых детей (три дочери и два сына)²⁶. При детях находились гувернантка и няня. Приехали они из Самарканда в двух экипажах на почтовых лошадях, в сопровождении заведующего Самаркандским городским училищем Митропольского, окончившего курс в московском Лазаревском институте восточных языков²⁷. Причем в Самаркандском училище останавливалась семья Керенских на отдых после утомительного проезда по железной дороге от Красноводска в душное от жары время.

Получив от секретаря управления учеб[ными] заведениями Недерица (в пятом часу по полудни) записку о приезде Керенских, я тотчас же отправился на казенную квартиру гл[авного] инспектора (на углу Московской улицы и Воронцовского проспекта, против Дома военного собрания и фотографии Назарова), поздравил прибывших с приездом и пожелал им скорейшего устройства в новом месте жительства и службы. В этом случае я руководствовался чувством служебного долга, как исполняющий обязанности гл[авного] инспектора и как русский туркестанец, приветствовавший на туркестанской окраине России нового русского культуртрегера с солидным учебным и служебным прошлым. Прежние, «старые туркестанцы», отличались искренним радушием при встречах со вновь приезжающими из России сослуживцами, а я надеялся встретить в лице Керенского казачка по образованию и учебной службе.

* Так в документе.

В лице самого Керенского я встретил мужественного, лет в 50, мужчину, не совсем великороссийского типа. Жена его имела нездоровый вид. Оба супруга были молчаливы, неприветливы и отнеслись ко мне с испытующим взглядом. Дети Керенского не отличались цветущим здоровьем и свойственной детям жизнерадостностью. Не встретив отклика на свое простодушие, я долго не задержал вновь приехавших россиян. О приезде гл[авного] инспектора я оповестил ташкентских сослуживцев.

29 июня, четверг. Утром в этот день я, мой помощник по гимназии (учитель Неудачин), директор женской гимназии Мирель, директор учит[ельской] семинарии Миро и инспектор нар[одных] училищ Смирнов представились Керенскому в управлении учеб[ными] заведениями (дом рядом с квартирой гл[авного] инспектора). Наше представление имело строго служебный характер: каждый представлявшийся сказал о занимаемой должности. Керенский подал каждому из нас руку и, не входя в подробные расспросы, распрощался с нами. Меня лично он посыл захватить за ним завтра (пятница 30), чтобы вместе отправит[ь]ся на загородную дачу ген[ерал]-губернатора (три версты от центра городского) для представления генералу Ефимовичу²⁸ (самаркандскому губернатору, временно исполнявшему должность отсутствовавшего ген[ерал]-губернатора).

Когда мы вышли из управления уч[ебными] зав[едениями], то не скрывали своих личных впечатлений от холодного приема у Керенского, пот[ому] что чувствовали себя неудовлетворенными, ожидая большего внимания от нового начальника и руководителя учебного дела в Туркестане.

30 июня, пятница. В 10 ½ утра я заехал за Керенским на его квартиру, и мы отправились на загородную дачу ген[ерал]-губернатора. На приеме у ген[ерала] Ефимовича были и другие, кроме нас, представляющиеся военные и гражданские чиновники. В 11 часов генерал Ефимович вышел из своего кабинета к представляющимся и, обходя их ряд, здоровался с каждым, а затем, обратившись ко всем, приветливо сказал: «Я надеюсь, господа, встретить в вас и теперь такое же содействие в предстоящей мне служебной деятельности, каким я уже широко воспользовался в прошлый отъезд ген[ерал]-губернатор[а]».

После этого генерал Ефимович откланялся все[м] представлявшимся и пригласил к себе в кабинет двух военных генералов, которые недолго задержались у него. По выходу генералов из кабинета были приглашены в кабинет Керенский и я. Генерал Ефимович пригласил нас обоих садит[ь]ся. Я, как исполнявший должность гл[авного] инспектора училищ, представил генералу приказ о вступлении в должность прибывшего в Ташкент главного инспектора училищ д[ействительного] ст[атского] сов[етника] Керенского и о моем освобождении от служебных обязанностей по его должности.

Подписав представленный мною приказ, ген[ерал] Ефимович сказал мне: «Я уже в Самарканде говорил о Вас Его превосходительству (указывая на Керенского) с лучшей похвалой, а теперь имею случай еще раз повторить искреннюю благодарность за ваши труды по исполнению должности гл[авного] инспектора училищ». Я откланялся генералу и вышел из его кабинета в адъютантскую²⁹.

[...] 7 июля в пятницу (мусульман[ский] недельный праздник) я ездил с Керенским в туземный город к моему знакомому казию Мухаметдину-ходже. Почтенный, родовитый представитель туземного населения и их культа³⁰, казий оказал нам внимательный прием, и не роняя в то же время своего личного достоинства в глазах нового русского начальника по уч[ебному] ведомству. Предоставив нам обычный достархан³¹ (чай, местные лепешки и фрукты), казий со свойственным ему тактом поддерживал обычный (визитный) разговор с новым знакомым. Керенский заинтересовался обстановкой и приемом русских гостей у туземцев. При прощании с Мухаметдином-ходжей Керенский поблагодарил его за гостеприимство и пригласил его к себе. На обратном пути я провез Керенского по главному туземному базару, служащему на мусульманском Востоке центром не одной экономической, но и общественной жизни мусульман. А чтобы дать Керенскому возможность составить представление об общем виде туземного города, мы влезем по лестнице на крышу базарной мечети, с высоты которой видится весь туземный Ташкент, как на шахматной доске.

[...] Вечером в понедельник (17 июля) я был у Керенского и спрашивал его, как он относится к моему редакторствованию «Туземной газеты»³² и к моим занятиям мусульманством и местной этнографией, причем я объяснил, что к продолжению этих занятий меня побуждает не денежный расчет (за редактирование «Туземной газеты») я получал

49 руб., из которых расходовал и на канцелярскую переписку по газете), а сознание важности этого дела для Туркестана при отсутствии в Ташкенте русских чиновников, пригодных для таких занятий. Выслушав меня, Керенский сказал, что он, с[о] своей стороны, сочувствует моим занятиям мусульманством и «Туземной газетой» и не только не будет мешать мне в этих занятиях, но, напротив, оказывать поддержку, какую может. Но было ли это высказано искренно?

[...] 23 август, среда. В этот день гл[авный] инспектор Керенский в первый раз посетил Ташкентскую мужскую (классическую) гимназию как официальный руководитель учебным делом в Туркестане. Он был на уроках общей истории и греч[еского] языка. [...] При прощании со мной Керенский не высказал мне своего впечатления от посещения гимназии.

[...] 22 сентября, пятница. Я и жена моя были вечером у Керенских. Он и его жена были приветливы и расспрашивали нас о ташкентской общественной жизни. Об учебных делах я разговаривал с Керенским после чая, в его служебном кабинете, когда две домохозяйки (жена Кер[енского] и моя жена), оставаясь в столовой, обсуждали хозяйственные вопросы. При уходе нашем жена Керенского просила прислать ей какой-нибудь том сочинений Михайлова³³, ее любимого публициста. В домашнем обиходе Керенских была заметна во всем расчетливость: за чаем была подана солонина с черным хлебом. Эта закуска заменяла ужин для их детей, которым за чаем выдавалась небольшая порция варенья. Видно было, что в Симбирске Керенские жили без особого комфорта.

ЦГА РУз., ф. 1009, оп. 1, д. 85, л. 1-17 об. Рукопись.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Первым главным инспектором был Кун, а вторым Забелин, по последней должности в России обер-секретарь Синода (прим. Н. П. Остроумова).
2. В этом же году было учреждено управление учебными заведениями в Ташкенте (прим. Н. П. Остроумова).
3. Имеется в виду Министр народного просвещения Д. А. Толстой (прим. автора вступительной статьи).
4. Он начал учебную службу в Казани, в самом начале насаждения в российских гимназиях классицизма. В Симбирской гимназии при нем учились два брата Ульяновых — Александр и Владимир (прим. Н. П. Остроумова).
5. С бароном Вревским он умел ладить как с благодушным сибаритом, а с ген[ералом] Ивановым он сошелся в общей им обоим отчужденности от ген[ерала] Духовского, а затем по общему самообольщению (прим. Н. П. Остроумова).
6. Рост выше среднего, общее сложение мужественное, большая голова на полной шее, широкая грудь и такая же спина, туловище и конечности, соответствующие росту; высокий лоб и маленькие мигающие глаза, прямой нос с раздувающимися ноздрями, большие уши и большой рот, широкий подбородок; цвет кожи смуглый, волосы темные и крупные, челости и зубы крепкие, волосы на усах и бороде бритые, на голове стрижка под гребенку, походка тяжелая, развалистая (прим. Н. П. Остроумова).
7. Малов Евфимий Александрович (1835-1918), тюрколог, православный миссионер. С 1863 г. преподавал в Казанской духовной академии, в 1870-1884 гг. — заведующий кафедрой, профессор (1868) (прим. автора вступительной статьи).
8. В гимназиях эти общие выводы часто не согласовывались с действительными знаниями учащихся: три двойки и последняя тройка или даже четверка, общий вывод — три (прим. автора вступительной статьи).
9. Коменский Ян Амос (1592-1670), чешский педагог-гуманист, общественный деятель (прим. автора вступительной статьи).
10. Их было трое: два брата Кургановы (Владимир и Федор) — двоюродные братья Керенского и Гусев. Кажется, и Гусев был родственником Кургановых и Керенского. Старший Курганов был вдовым священник[ом] и учился в академии одновременно со мной и со своим младшим братом и Гусевым. Как будущий монах, священник В. Курганов помещался в особой комнате, в которой пензяки принимали своего земляка студента Керенского (прим. Н. П. Остроумова).
11. Это важно с психологической точки зрения, как бывший бедный пензенский семинарист (Керенский), дослужившись до генеральского чина и привыкший в России к начальнической (бюрократической) важности, не хотел помнить о своем происхождении и первоначальном образовании в Духовной семинарии, никогда не упоминал об этом даже в частном разговоре со мной. Я читал автобиографию Германа Вамбери, который нисколько не стыдился своего происхождения и пережитой им бедности (прим. Н. П. Остроумова).
12. Крелленберг Генрих Иванович (1829-1898), педагог. В 1861-1896 гг. — директор Первой Казанской гимназии (прим. автора вступительной статьи).

13. При Министре народного просвещения Д. А. Толстом (1866-1880) классическому образованию вновь было дано формально-грамматическое направление, т. е. приоритетное внимание изучению древних языков (латинского и греческого) (прим. автора вступительной статьи).
14. Толстой Дмитрий Андреевич (1823-1889), граф, русский государственный деятель, член Государственного совета (1866), Министр народного просвещения (1866-1880). Провел гимназическую реформу 1871 г., обеспечившую преобладание классического образования. С 1882 г. — президент Петербургской академии наук (прим. автора вступительной статьи).
15. Наливкин Владимир Петрович (1852-1918), действительный статский советник. С 1890 по 1895 г. — инспектор мусульманских школ Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей. Депутат II-й Государственной думы от Ташкента (прим. автора вступительной статьи).
16. Вревский Александр Борисович (1834-?), барон, генерал от инфантерии, туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа (1889-1898) (прим. автора вступительной статьи).
17. Духовской Сергей Михайлович (1838-1901), генерал от инфантерии, туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа (1898-1901) (прим. автора вступительной статьи).
18. Иванов Николай Александрович, генерал-лейтенант, туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа (1901-1904) (прим. автора вступительной статьи).
19. Андижанское восстание 1898 г. Руководителем восстания был Мадали-ишан. Восстание намечали поднять под лозунгом газавата, восстановить Кокандское ханство и распространить восстание на всю Среднюю Азию. Движение было подавлено (прим. автора вступительной статьи).
20. Гродеков Николай Иванович (1843-1913), генерал от инфантерии, военный губернатор Сырдарьинской области (1883-1893), туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа (1906-1908) (прим. автора вступительной статьи).
21. Самсонов Иван Васильевич (1859-1914), генерал-лейтенант от кавалерии, начальник штаба Варшавского военного округа (1906-1907), наказной атаман Войска Донского (1907-1909), туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа (1909-1914). В начале Первой мировой войны командовал 2-й армией. Погиб при выходе из окружения в Восточной Пруссии (прим. автора вступительной статьи).
22. В октябре-декабре 1905 г. в средних учебных заведениях Туркестана произошли массовые беспорядки, вследствие чего занятия были временно прекращены (прим. автора вступительной статьи).
23. Асхабад, ныне город Ашхабад, столица Республики Туркменистан (прим. автора вступительной статьи).
24. Ильминский Николай Иванович (1822-1891), директор Казанской учительской семинарии, известный тюрколог и миссионер-просветитель (прим. автора вступительной статьи).
25. Бобровников Николай Алексеевич (1854-1921), педагог. В 1877-1896 гг. — в Казанской инородческой учительской семинарии, с 1891 г. — директор (прим. автора вступительной статьи).
26. Дочери Надежда, Елена, Анна и сыновья Александр и Федор (прим. автора вступительной статьи).
27. Лазаревский институт восточных языков основан в Москве в 1815 г. как частное учебное заведение на средства богатой армянской семьи Лазарян. В 1827 г. заведение получило статус института и было передано в ведение Министерства народного просвещения. С 1921 г. — Московский институт востоковедения (прим. автора вступительной статьи).
28. Более подробные сведения о Ефимовиче установить не удалось (прим. автора вступительной статьи).
29. Невольно я сравнил прием представлявшихся ген[ералу] Ефимовичу с нашим представлением Керенскому (прим. Н. П. Остроумова).
30. Казий (народный судья, представитель шариата) был сыном последнего в Ташкенте казы-каляна и шайхуль-ислама и в числе прочих казиев Ташкента выделяется своею родовитостью (авганской), как настоящий «ак-сюек — белая кость» (прим. Н. П. Остроумова).
31. Достархан — в Средней Азии праздничный стол для встречи гостей (прим. автора вступительной статьи).
32. Имеется в виду «Туркестанская туземная газета» (прим. автора вступительной статьи).
33. Михайлов А. (настоящее имя Шеллер Александр Константинович) (1838-1900), русский писатель, публицист (прим. автора вступительной статьи).

Публикацию подготовила
Татьяна Котюкова,
 кандидат исторических наук (г. Москва)

